

Артем Юнусов

Метод гипотез «Федона» и «Вторая аналитика»
Аристотеля: некоторые параллели

ARTEM IUNUSOV
THE *PHAEDO*'S METHOD OF HYPOTHESIS
AND ARISTOTLE'S *POSTERIOR ANALYTICS*: SOME PARALLELS

ABSTRACT. In his 1924 paper, Paul Shorey has quite convincingly demonstrated that the fourth argument for the soul's immortality in the *Phaedo* (95e–107b) had probably been a source for Aristotle's *Prior Analytics*' doctrine of syllogism. In what follows I would like in turn to show that one can establish an even stronger thesis – that the *Phaedo*'s method of hypothesis (in its two versions), which is described and used in 95e–107b, had been a source not only (and perhaps not mainly) of the *Prior Analytics*' doctrine of syllogism *simpliciter*, but also (and perhaps chiefly) of the *Posterior Analytics*' doctrine of demonstrative syllogism. Apart from numerous thematic and lexical parallels between the two texts, this is evidenced by the fact that a series of deductive arguments in *Ph.* 105a–106e in which Shorey was right to recognise valid syllogisms according to the standards of the *Prior Analytics*, satisfies almost all of the complex technical conditions that syllogisms have to satisfy to count as *demonstrative* syllogisms according to the standards of the *Posterior Analytics*; furthermore, the syllogisms in the *Phaedo* have certain traits, which although highly unusual and even idiosyncratic considered by themselves, are precisely characteristic of demonstrations in the *Posterior Analytics*.

KEYWORDS: Plato, the *Phaedo*, method of hypothesis, Aristotle, the *Posterior Analytics*, syllogism, demonstration.

Тезис о влиянии мысли Платона на формирование философии Аристотеля может вызывать у кого-то удивление разве что в том смысле, что удивительно, что кто-то опять взялся его повторять. Число исследований, посвященных этому влиянию, не поддается исчислению. Не была обойдена в попытке связать мысль Аристотеля с философией его учителя и «Вторая аналитика». Большая

© А.Т. Юнусов (Москва). forty-two@mail.ru. Институт философии РАН.

Платоновские исследования / Platonic Investigations 12.1 (2020)

DOI: 10.25985/PI.12.1.03

часть исследователей ищет истоки учения трактата Аристотеля о доказательстве в «Софисте», VII книге «Государства»¹ и — особенно в последнее время — в «Меноне»². При этом один из наиболее, на мой взгляд, важных в этом смысле диалогов Платона — «Федон» — насколько мне известно, полностью обойден вниманием коллег. В этой статье я попробую показать, что в рассуждениях, которые ведет Сократ в рамках четвертого доказательства бессмертия души (*Phd.* 95e–107b), обнаруживается целый ряд удивительных параллелей с учением о доказательстве «Второй аналитики» и что, учитывая количество и характер этих параллелей, наиболее разумным объяснением их наличия является тезис о том, что учение о доказательстве «Второй аналитики» попросту родилось из анализа и попытки формализации рассуждений Платона о так называемом «методе гипотез» в «Федоне».

Пол Шори в своей статье 1924 года³ первым указал на весьма любопытную черту ряда рассуждений в 105b–107b «Федона»: а именно, что все они выполнены по описанному в «Первой ана-

¹ См. прежде всего Solmsen 1929: 82–107.

² Самую последовательную попытку связать «Вторую аналитику» с «Меноном» можно обнаружить в Bronstein 2016, где вся интерпретация «Второй аналитики» выстраивается вокруг тезиса о том, что этот трактат представляет собой развернутый ответ на парадокс Менона. На русском языке см. также Орлов 2013: 273–293. Следует заметить, что при всем интересе исследователей «Второй аналитики» к «Менону», по крайней мере одно чрезвычайно важное в смысле сравнения с аристотелевским трактатом о доказательном знании место из этого диалога укрылось от их внимания. А именно, речь о *Men.* 97c–98a, где Сократ уподобляет истинные мнения Дедаловым статуям. Как последние, только будучи связаны цепями, остаются на месте и не убегают от своего владельца, так и истинные мнения, только будучи связаны рассуждениями о причинах своей истинности (*αἰτίας λογισμῶ*), обосновываются в душе прочно и становятся устойчивыми знаниями (*ἐπιστήμαι*). Это в своей основе именно то самое представление о знании, которое развивает во «Второй аналитике» Аристотель, пусть и набросанное в самых общих чертах (см. ниже разделы 2.5 и 3.4).

³ Shorey 1924.

литике» Аристотеля правильным модусам первой фигуры силлогизма.

В указанном месте Платон начинает разворачивать свой четвертый аргумент в пользу бессмертия души. Ход мысли таков. После небольшого отступления, в котором Сократ критикует те типы причин, с помощью которых предшествующие философы⁴ пытались объяснять окружающий мир, Сократ предлагает иной, более надежный и несомненный способ объяснений причин вещей:

Просто, без затей, может быть даже слишком бесхитростно, я держусь единственного объяснения [причин того, что та или иная вещь прекрасна — А.Ю.]: ничто иное не делает вещь прекрасною, кроме присутствия прекрасного самого по себе или общности с ним, как бы она ни возникла (100d)⁵.

Иными словами, причиной наличия некоего качества в вещи является ее причастность соответствующей этому качеству идее. Мы называем нечто большим, благим, сильным, так как оно принадлежит к большому, благому или сильному самому по себе, т.е. соответствующим идеям — величины, блага, силы. Это своеобразная формализация хорошо знакомого любому читателю диалогов Платона способа рассуждения. Однако далее Платон вводит дополнительный способ объяснения присущности некоторых свойств вещам, встречающийся в его текстах куда реже. В некоторых случаях две идеи не только связаны с вещью, которой они сообщают свои свойства, но и необходимым образом связаны между собой — так что если мы обнаруживаем, что вещь причастна одной из идей, то она необходимо причастна и другой. Таким образом соотносятся идеи «теплого» и «огня»; «троичности» и «нечетности»; «болезни» и «горячки»; наконец, «души» и «жизни»: так, если некоторых предметов три, то их с необходимостью также нечетное число; и так же в других случаях. С другой стороны, некоторые идеи являются противоположными друг другу

⁴ Прежде всего, видимо, ионийские натурфилософы.

⁵ Пер. С.П. Маркиша.

и, наоборот, никогда не могут одновременно быть присущи одной и той же вещи: таковы «теплое» и «холодное»; «четное» и «нечетное»; «живое» и «мертвое». В этом случае мы можем заключить, что, если идеи жизни и души необходимо сопутствуют друг другу, а идеи живого и мертвого, наоборот, никогда не могут быть одновременно присущи одной и той же вещи, то душа не приемлет смерти и, значит, никогда не умрет. Что и требовалось доказать.

Шори замечает, что несмотря на то, что Платон, разумеется, не говорит ничего подобного эксплицитно, отмеченные им связи между тройками терминов фактически эквивалентны формулировке первого модуса первой фигуры силлогизма — знаменитому Barbara. А именно, предложенные Платоном рассуждения легко переформулировать примерно в следующем виде:

Тепло находится в огне	Наличие огня есть наличие тепла
<u>Огонь находится в этом теле</u>	<u>Огонь наличествует в этом теле</u>
Тепло находится в этом теле	Тепло наличествует в этом теле
Болезнь находится в горячке	Все люди в горячке больны
<u>Горячка находится в этом теле</u>	<u>Этот человек в горячке</u>
Болезнь находится в этом теле	Этот человек болен
Нечетность находится в тройке	Все группы из трех предметов нечетны
<u>Тройка находится в этой группе книг</u>	<u>Эти книги — группа из трех предметов</u>
Нечетность находится в этой группе книг	Эти книги нечетны по количеству

Слева перед нами формулировки в терминах Платона и Аристотеля, а справа — в более-менее современных. Могут предположить, что на взгляд большинства читателей даже «осовремененные» формулировки могут выглядеть довольно странно и даже в целом быть мало похожими на то, что мы сегодня понимаем под силлогизмом. Однако факт в том (и Шори довольно развернуто это показывает), что они действительно довольно точно отражают те способы выражения, которые использует Аристотель при разговоре о силлогизмах.

На основании всего сказанного Шори заключает, что именно изложенный в этом отрывке «Федона», как он его называет, «простой метод идей» (а не метод деления, как то считали другие исследователи Аристотеля) лег в основу теории силлогизма Аристотеля, описанной в «Первой аналитике». Ниже я буду обозначать то, что Шори зовет «простым методом идей» — т.е. тот способ объяснения, который Сократ описывает в 102b–107b — «вторым методом гипотез», отличая его от «первого метода гипотез», о котором Сократ рассказывает в 95e–102b (см. подробнее ниже разделы 2.5 и 3).

Вывод о происхождении учения о силлогизме Аристотеля из указанного места «Федона» кажется мне в первом приближении верным. При этом удивительно, что от исследователей — причем не только от самого Шори, но и в том числе, например, от Дэвида Росса, который не только пропагандировал описанное наблюдение Шори⁶, но и был близко знаком с учением обеих «Аналитик», будучи автором последнего на сегодняшний день их критического издания⁷, укрылось, что в «Федоне» мы видим не только формально правильный силлогизм, согласно стандартам «Первой аналитики», но нечто большее — доказательный силлогизм, согласно стандартам «Второй аналитики», и, таким образом, здесь перед нами возможный источник учения не только «Первой», но и «Второй аналитики».

Доказательство (*ἀπόδειξις*), или доказательный силлогизм, согласно Аристотелю, представляет собой единственный способ получения «знания в собственном смысле» (*ἐπιστήμη ἀπλῶς*, ср. *APo.* 1.2, 71a9–17) — того специфического вида знания, поиск способов получения которого является основной целью «Второй аналитики». В этом смысле теория доказательства является основным сюжетом «Второй аналитики» подобно тому, как теория умозаключения (которое Аристотель отождествляет с тем видом

⁶ См., например, Ross 1951: 33–34.

⁷ Ross 1949.

умозаключения, который мы сегодня называем силлогизмом⁸), является основным сюжетом «Первой аналитики». Доказательство относится к силлогизму как вид к роду (*APr.* 1.4, 25b24–31): всякое доказательство представляет собой силлогизм, но не всякий силлогизм является доказательством. Для того чтобы силлогизм можно было считать доказательством, на него должны быть наложены некоторые дополнительные условия, прежде всего — хотя и не исключительно — касающиеся характера его посылок (*APo.* 1.2, 71b19–23). Ниже я покажу, что значительное число тех условий, которым должно удовлетворять рассуждение, чтобы быть в глазах Аристотеля доказательством, весьма точно выполняются замеченными Шори рассуждениями «Федона».

1. *Доказательством можно считать только рассуждение по одной из фигур силлогизма. Предпочтительно, чтобы доказательство осуществлялось по модусам первой фигуры; преимуществом среди всех модусов первой фигуры обладают первые два, Barbara и Celarent.*

Начать стоит с базового *conditio sine qua non* доказательства — его силлогистической формы, точнее — с того факта, что именно ее демонстрирует рассуждение «Федона». Несмотря на то, что главное здесь уже сказано Шори, я полагаю важным добавить несколько замечаний.

Отмеченные Шори рассуждения «Федона» не просто имеют силлогистическую форму, но представляют собой умозаключения по первому модусу первой фигуры силлогизма — модусу, получившему в схоластической нотации название *Barbara*. Следует

⁸ Джонатан Барнс вполне убедительно показал (Barnes 1981: 21–27), что слово «συλλογισμός» у Аристотеля не означает «силлогизм» в современном смысле по умолчанию, но, скорее, имеет более широкое значение вроде «дедуктивное рассуждение» (я предпочитаю говорить «умозаключение»); Аристотель обозначает то, что мы привыкли называть силлогизмом, формулировками вроде «διὰ τῶν σχημάτων συλλογισμός» (умозаключение по фигурам) и посвящает отдельную главу (*APr.* 1.23) специально обоснованию (в современной перспективе ошибочному) того тезиса, что всякое умозаключение является умозаключением по фигурам, т.е. силлогизмом в современном смысле.

отметить, что этот модус в глазах Аристотеля обладает особенной ценностью. В логическом учении Аристотеля этот модус наряду с еще одним общим модусом первой фигуры — модусом Celarent — является базовым, и Аристотель рассматривает все остальные модусы как сводимые к этим двум, т.е. в определенном смысле несамостоятельные, получающие свою логическую силу посредством этих двух «совершенных» модусов (*APr.* 1.23, 40b17–41b5). В рамках же учения о доказательстве Аристотель специально отмечает, что для доказательного знания в наибольшей степени подходит именно первая фигура силлогизма, к которой принадлежат эти два модуса (*APo.* 1.14, 79a17–32).

Стоит также отметить, что, хотя Шори реконструирует из четвертого аргумента «Федона» только рассуждения по модусу Barbara, фактически там также очевидно присутствует и рассуждение по второму из упомянутых наиболее ценных в глазах Аристотеля модусов — Celarent. А именно, первый шаг доказательства бессмертия души представляет собой умозаключение именно по этому модусу:

Смерть не присуща никакой жизни
Жизнь присуща всякой душе
Смерть не присуща никакой душе

2. *Посылки доказательства являются так называемыми началами (πρώται ἀρχαί) доказательства и сами не доказываются, а постулируются иным, чем доказательство, образом.*

Основным содержательным требованием, предъявляемым к силлогизму для того, чтобы он мог считаться доказательством, является требование того, чтобы посылки этого силлогизма были «началами» его заключения. Само это требование, в свою очередь, имеет множество составляющих: чтобы быть началами, посылки должны быть *истинными, первыми, непосредственными* (ἄμεσοι), *более ясными* (ὑνωρσιώτεροι), чем заключение, *предшествующими* ему (πρότεροι), а также его *причинами* (αίτια) (*APo.* 1.2, 71b16–29).

Полагаю, что если мы присмотримся внимательно, то сможем заметить, что значительная часть списка этих условий не только выполняется силлогизмами «Федона», но также эксплицитно обсуждается в рамках предварительного методологического отступления Сократа в 95e–102b, где тот описывает свой «первый» метод гипотез.

Я начну с указания на три отрывка из речи Сократа. Объясняя собеседникам суть своего метода, Сократ говорит:

Ἀλλ' οὖν δὴ ταύτῃ γε ὄρμησα, καὶ ὑποθέμενος ἐκάστοτε λόγον ὃν ἄν κρινῶ ἐρρωμενέστατον εἶναι, ἃ μὲν ἄν μοι δοκῆ τοῦτῳ συμφωνεῖν τίθημι ὡς ἀληθῆ ὄντα <...>, ἃ δ' ἄν μὴ, ὡς οὐκ ἀληθῆ (100a3–7).

Итак, я двинулся именно по этому пути: я каждый раз стал брать в качестве гипотезы ту мысль, которая казалась мне самой надежной, и [все] то, что, как мне кажется, согласуется с этой мыслью, я полагаю истинным <...>, а все, что не согласуется, — не истинным⁹.

Чуть далее он замечает, что это лишь иное описание уже хорошо знакомой его собеседникам (и читателям Платона) практики:

εἴμι πάλιν ἐπ' ἐκεῖνα τὰ πολυθρόλυτα καὶ ἄρχομαι ἀπ' ἐκείνων, ὑποθέμενος εἶναί τι καλὸν αὐτὸ καὶ ἀγαθὸν καὶ μέγα καὶ τᾶλλα πάντα... (100b4–7).

я снова возвращаюсь к тому самому, о чем мы постоянно говорим, и начинаю именно с него: я беру в качестве гипотезы, что существует некое прекрасное само по себе, а также [само по себе] доброе, большое и так далее...

Ниже он возвращается к более теоретическому описанию своего метода и дает наставления тому, кто решит ему следовать:

σὺ δὲ <...> ἐχόμενος ἐκείνου τοῦ ἀσφαλοῦς τῆς ὑποθέσεως, οὕτως ἀποκρίναιο ἄν. εἰ δὲ τις αὐτῆς τῆς ὑποθέσεως ἔχοιτο, χαίρειν ἐφῆς ἄν καὶ οὐκ ἀποκρίναιο ἕως ἄν τὰ ἀπ' ἐκείνης ὀρμηθέντα σκέψαιο εἴ σοι ἀλλήλοισι συμφωνεῖ ἢ διαφωνεῖ: ἐπειδὴ δὲ ἐκείνης αὐτῆς δεοί σε διδόναι

⁹ Здесь и далее текст Платона по Бернету, Аристотеля — по Россу; курсив, перевод и [пояснения] мои.

λόγον, ὡσαύτως ἂν διδοίης, ἄλλην αὖ ὑπόθεσιν ὑποθέμενος ἥτις τῶν ἄνωθεν βελτίστη φαίνοιτο, ἕως ἐπὶ τι ἰκανὸν ἔλθοις, ἅμα δὲ οὐκ ἂν φύροιο <...> περί τε τῆς ἀρχῆς διαλεγόμενος καὶ τῶν ἐξ ἐκείνης ὠρημένων... (101c9–e3).

ты же <...> держись за *достоверность* твоей *гипотезы* и отвечай так [как мы говорили выше]. А если кто-то уцепится за саму *гипотезу*, то не обращай на это внимания и не торопись с ответом, пока не рассмотришь вытекающие из нее следствия: согласуются они с друг с другом, или нет. Если же от тебя потребуют объяснить саму *гипотезу*, то ты объяснишь ее точно таким же образом: взяв в качестве *гипотезы* для нее в свою очередь другую *гипотезу* — любую из тех находящихся *сверху*, которая покажется тебе наилучшей. И так далее, пока не дойдешь до чего-то достаточного [т.е. не нуждающегося в дальнейшем объяснении]. Но ты не станешь все валить в одну кучу, ведя рассуждения одновременно и о *начале*, и о следствиях из этого начала....

Я полагаю, что в указанных отрывках мы можем при определенной благожелательности разглядеть рассуждение о том, что в терминах Аристотеля будет называться требованием к посылкам доказательства быть «истинными», «более ясными», «первыми» и, возможно, также «неопосредованными».

2.1. Я не буду останавливаться подробно на требовании *истинности*. Во-первых, оно слишком тривиально, чтобы его наличие можно было считать каким-то важным свидетельством преемственности мысли. Во-вторых, строго говоря, истинность в тексте приписывается даже не посылкам, а «согласующимся» с ними следствиям. Последнее не исключает того, что для Платона это просто иной способ выразить ту же мысль о связи истинности посылок с истинностью заключения, которая позже будет важна для Аристотеля, однако и вычитать с уверенностью это отсюда нельзя. Однако на общем фоне эта небольшая в общем-то лексическая деталь достойна того, чтобы быть по крайней мере отмеченной.

2.2. Требование «*большей ясности*» тоже едва ли заслуживает того, чтобы делать на него особенный упор. Во-первых, опять же в силу своей тривиальности, пусть и несколько меньшей по

сравнению с требованием истинности. Во-вторых, поскольку лексика, используемая здесь Платоном, не совпадает с лексикой, которую при обсуждении этой темы предпочитает Аристотель: последний говорит о том, что начала должны быть «более ясными», или «более знакомыми» (γνωριμώτεροι); Сократ у Платона — что он в качестве основоположения выбирает самую надежную (ἔρρωμενέστατον) мысль; ниже он также будет характеризовать свое рассуждение в терминах наивысшей достоверности (ἀσφάλεια, 100e, 101c, 105b). И все же очевидная общность направления мысли Платона и Аристотеля опять же заслуживает по крайней мере указания на нее на общем фоне.

2.3. Но вот на требовании «первичности» начал я хотел бы остановиться подробнее, поскольку тут, я полагаю, мы находимся на чуть более твердой почве. Требование быть «первыми», по существу, эквивалентно требованию недоказуемости (A_{PO}. 1.2, 71b26–27) посылок: первые посылки, используемые в доказательстве, сами должны быть получены не через доказательство, но некоторым иным способом. Хотя в целом вопрос о том, что именно это за способ, составляет отдельный и довольно сложный сюжет¹⁰, Аристотель нередко говорит о том, что начала должны быть постулированы, или приняты в качестве предпосылок, или гипотез (напр., A_{PO}. 2.9, 93b21–25, *Metaph.* E.1, 1025b7–13) — т.е. использует именно ту характерную лексику, которую использует в указанном месте «Федона» Платон (ὑποθέμενος, ὑπόθεσις). Дополнительный вес сходству лексики в данном случае сообщает тот факт, что Аристотель, выделяя во «Второй аналитике» несколько видов «начал» доказательства, предлагает для того вида начал, который он сам называет «гипотезами» (ὑποθέσεις), описание, в высшей степени сходное с тем, какое имеет «мысль», которую Сократ «берет в качестве гипотезы» (ὑποθέμενος). А именно, Аристотель говорит, что гипотезы — это тот вид начал, с помощью которых мы постулируем, что нечто имеет место, существует (A_{PO}.

¹⁰ В качестве отправной точки для ознакомления с ним подойдет McKirahan 1992: 235–268.

1.2, 72a18–24)¹¹. Но именно такой вид имеет «гипотеза» Сократа: «что существует некое прекрасное само по себе...».

Разговор о гипотезах, или предпосылках, — не единственная лексическая параллель; другой такой параллелью является лексика «начала». Аристотель называет свои недоказуемые базовые посылки «первыми началами» (πρῶται ἀρχαί); Сократ же в «Федоне» не только говорит (100b4), что он начинает (ἄρχομαι) с гипотезы (которая в терминологии Аристотеля была бы как раз «началом»), но и называет, пусть и несколько походя, «началом», судя по контексту, именно то, что выше описывал как «гипотезу» в 101e2, а также в заключающем аргумент методологическом отступлении говорит о «первых гипотезах» (ὑποθέσεις πρώται, 107b).

2.4. Стоит отметить, что то, о чем идет речь в 101c–e, в некотором смысле вступает в противоречие с моим утверждением о том, что мы можем увидеть в рассуждении «Федона» аналог «первым», т.е. недоказуемым посылкам. В самом деле, описанная Сократом процедура хотя и подразумевает, что мы постулируем надежнейшую, на наш взгляд, гипотезу, но также допускает возможность обоснования (т.е. в терминах Аристотеля доказательства) в свою очередь этой гипотезы впоследствии — с помощью иной, более надежной гипотезы, и так далее, пока мы не достигнем самого надежного тезиса, который в обосновании уже не нуждается. Так что может показаться, что те гипотезы, о которых говорит Платон, вовсе не оказываются первыми, или недоказуемыми. Однако вес этого соображения весьма мал. Во-первых, последние гипотезы, к которым в результате такой процедуры предполагается прийти, все же являются недоказуемыми и, более того, прямо называются в тексте «Федона» «первыми» (107b). Во-вторых, предложенная здесь Сократом процедура «восхождения» ко все более общим началам, кажется, весьма близка процедуре «уплотнения», описываемой Аристотелем

¹¹ По крайней мере, это одна из интерпретаций существа «гипотез». Другую см. в Юнусов 2018.

в *АРо*. 1.23, 31–36. Стоит заметить, что процедура уплотнения — это для Аристотеля способ гарантировать еще одно обязательное свойство посылок доказательства как начал — их «неопосредованность», так что сходство в этом аспекте еще немного сближает рассуждение «Федона» с теорией «Второй аналитики». Однако я не чувствую возможности подробнее говорить об их сходстве в этом довольно сложном и техническом аспекте. Замечу только, что это сходство дополнительно подтверждается специфической технической терминологией: Сократ говорит о том, что для обоснования имеющейся предпосылки следующему его методу следует взять другую предпосылку, а именно «одну из тех, что находится *сверху*» (ἥτις τῶν ἄνωθεν); терминология «верха» (ἄνω) и «низа» (κάτω) — это в высшей степени характерный для словаря Аристотеля способ обсуждать построение рядов силлогистических рассуждений, где более универсальные термины (или посылки) мыслятся как находящиеся «сверху», а более частные — «снизу» (см. *АРо*. 1.19–22, особенно 82a23–24)¹².

2.5. По существу, из всех условий, которым должны удовлетворять посылки, чтобы силлогизм из них мог считаться доказательным, именно условия их бытия *причинами* заключения является в контексте «Второй аналитики» центральным и именно ему посвящено больше всего ее страниц. Само определение знания, прояснению условий приобретения которого посвящена «Вторая аналитика», включает в себя отсылку к знанию причины:

Ἐπίστασθαι δὲ οἰόμεθ' ἕκαστον ἀπλῶς, ἀλλὰ μὴ τὸν σοφιστικὸν τρόπον τὸν κατὰ συμβεβηκός, ὅταν τὴν τ' αἰτίαν οἰώμεθα γινώσκειν δι' ἣν τὸ πρᾶγμα ἐστίν... (*АРо*. 1.2, 71b9–11)

¹² Можно обратить внимание, что сами обозначения субъекта и предиката высказывания, судя по всему, построены Аристотелем исходя из этого же представления: ὑποκείμενον, под-лежащее в парадигмальном случае менее универсально и таким образом находится «снизу», «под» сказуемым; κατηγορούμενον, сказуемое (где первым словарным значением приставки «κατα-» является «движение сверху вниз») в том же случае является более универсальным и таким образом предикцируется подлежащему «сверху вниз».

Мы считаем, что знаем каждую из вещей в собственном смысле (в отличие от знания софистическим, акцидентальным образом), когда мы считаем, что нам известна причина, по которой вещь имеет место...

Это вполне естественное для обыденного, теоретически ненагруженного представления о знании требование знания причины. Аристотель технически переосмысливает в приложении к своей теории умозаключения. Поскольку, с его точки зрения, единственный способ получить знание в собственном смысле — это доказательство, и всякое доказательство представляет собой умозаключение, а всякое умозаключение в конечном счете является силлогизмом, то требование знания причины инкорпорируется в эту теорию в качестве требования специфического соотношения посылок и заключения силлогизма: посылки должны быть причинами заключения (*APo.* 1.2, 71b22), точнее — средний термин силлогизма должен указывать на причину взаимной связи двух его крайних терминов (*APo.* 2.12, 94a20–23). Важно подчеркнуть, что это содержательное, а не формальное требование: посылки будут причинами в нужном Аристотелю смысле, только если они указывают на реальные причины отраженного в заключении факта, т.е. если нам в нашем доказательстве удалось ухватить и отразить реальную связь вещей в мире (ср. *APo.* 1.13).

Если мы теперь обратимся к «Федону», то обнаружим, что одной из главных тем интересующего нас отрывка также является именно понятие причины и то, как оно используется в доказательстве. Сократ критикует те представления о причине, которые использовали в своих объяснениях его предшественники, и предлагает в качестве альтернативы им один за другим два иных способа причинного объяснения. Сначала следует «простое» объяснение на основании идеи (первый метод гипотез): вещь прекрасна, потому что присуща идее прекрасного, причина прекрасности — идея прекрасного. Затем Сократ предлагает «более тонкое» (*κοιψοτέρη*, 105c) объяснение — на основании необходимой связи

идей (второй метод гипотез): вещь является теплой, поскольку в ней присутствует огонь, огонь является причиной теплоты вещи.

Понятие причины и его правильное использование в рассуждении, таким образом, лежит в самом центре интереса Платона в этом отрывке «Федона». Более того, в некотором смысле демонстрируемое им здесь внимание именно к понятию причины по своему беспрецедентно: на отрезке 95e–101c слово «причина» (*αἰτίαι*) и его производные встречаются 38 раз — в корпусе Платона нет другого текста, в котором это понятие обсуждалось бы столь же целенаправленно и подробно. «Вторая аналитика» Аристотеля в этом смысле является безусловным аналогом этого места из «Федона» в плане целенаправленного осмысления даже не столько понятия причины, сколько той роли, которую оно должно играть в построении наших рассуждений.

2.6. Требование «Второй аналитики» к посылкам доказательства «быть *предшествующими*» по существу, как говорит сам Аристотель (*АРо.* 1.2, 71b31), эквивалентно требованию быть причинами; поскольку последнее уже рассмотрено, первое не нуждается в отдельном рассмотрении. Это покрывает все базовые требования, которые предъявляются в (*АРо.* 1.2) к посылкам доказательства: для всех них в «Федоне» можно найти те или иные параллели.

В завершение этого раздела я хотел бы указать на то, как я сам понимаю силу приведенных в нем аргументов. Должен подчеркнуть, что их стоит рассматривать скорее как дополнительные и вспомогательные свидетельства в пользу тезиса о связи метода гипотез «Федона» с учением о доказательстве «Второй аналитики». Во-первых, поскольку обозначенные в этом разделе свидетельства представляют собой во многом чисто лексические или тематические параллели. Во-вторых, поскольку эти параллели относятся к обсуждению первого (*Phd.* 95e–102b), а не второго (102b–107b) метода гипотез, тогда как основное осязаемое и подверженное последовательной демонстрации сходство в способе построения рассуждения обнаруживается именно между моде-

лью доказательства «Второй аналитики» и вторым методом гипотез (см. раздел 3).

Вместе с тем ни первый, ни последний факт не являются таким недостатком этих наблюдений, который мог бы их полностью дисквалифицировать в качестве свидетельств. С одной стороны, лексические и тематические параллели, не будучи сильным способом аргументации сами по себе, добавляют тезису убедительности при наличии других, более весомых свидетельств (на которых я сосредоточусь в разделе 3). С другой, хотя второй метод гипотез вводит существенно новые по сравнению с первым способы рассуждения, кажется, ничто в речи Сократа не указывает на то, что все сказанное выше о первом методе не применимо также в общих чертах и ко второму: в его рамках мы все еще должны принимать истинные гипотезы, в которых у нас нет сомнения; эти гипотезы также должны сами быть недоказуемыми, или, по крайней мере, мы должны в итоге прийти до недоказуемых гипотез (см. 107b), и мы все еще рассматриваем наше рассуждение как поиск причины того, что некоторое свойство присуще некоторому предмету.

Более того, на примере обсуждения в рамках первого и второго методов гипотез причин, мы можем особенно ясно показать, что, хотя Платон при рассуждении о втором методе и перестает употреблять характерную лексику, которую он использовал при описании первого, он не отказывается от тех центральных тем, которые находились в его поле зрения при разговоре о первом методе, и лишь — там, где это возможно, — по-новому развивает их. В особенности важно, что в случае обсуждения причин в рамках второго метода гипотез та новая трактовка, которая им дается, полностью — и даже в мельчайших деталях — совпадает с трактовкой «Второй аналитики» (см. раздел 3.4). Но чтобы увидеть это, нам потребуется для начала рассмотреть другое важное сходство предлагаемых в этих текстах учений, а именно то, какого рода *термины* используются в силлогизмах в том и другом случае.

3. Доказательство заключается в обосновании принадлежности (или отсутствия принадлежности) так называемых субстанциальных свойств (καθ' αὐτὰ πάθη) предметам того рода, о котором ведется доказательство. При этом в доказательном силлогизме больший термин будет субстанциальным свойством, меньший — предметом, свойства которого мы рассматриваем, а средний — должен указывать на причину того, что больший присущ меньшему.

Одно из основных требований, предъявляемых Аристотелем к силлогизмам для того, чтобы они могли считаться доказательствами, заключается в том, что термины в посылках (и, соответственно, в заключении) этих силлогизмов должны быть связаны между собой «сами по себе», или «субстанциальным образом» (καθ' αὐτό), а не акцидентально (κατὰ συμβεβηκός).

Аристотель эксплицитно обсуждает понятие присущего субстанциальным образом в *APo.* 1.4. Здесь он специально замечает, что не всякий предикат, сказывающийся обо всем объеме субъекта (κατὰ παντός), сказывается о нем субстанциальным образом (καθ' αὐτό) — т.е. не всякая общеутвердительная посылка может быть использована в доказательном силлогизме — и выделяет четыре смысла, в которых можно говорить о «субстанциальной» связи предиката с субъектом. Среди исследователей существует широкий консенсус, что основными смыслами, которые реально интересуют здесь Аристотеля, являются первые два (73a34–b5)¹³. Свойство субстанциально-1 присуще некоему предмету, если оно входит в его определение: так, например, «множество» и «делимое» субстанциально-1 присуще «числу» (*APo.* 1.22, 84a16–17). Свойство субстанциально-2 присуще субъекту, если сам этот субъект входит в определение этого свойства: так, на-

¹³ Из всех исследователей не считает основными видами «субстанциального» первые два только Ферджон, который полагает, что основным во «Второй аналитике» для Аристотеля является четвертый из перечисленных смыслов (Ferejohn 1991: 119–125). Он, однако, явно не учитывает свидетельства *APo.* 1.22, 84a6–28), где Аристотель, говоря о «субстанциальном» уже непосредственно в контексте доказательства, ограничивается только двумя его первыми видами.

пример, «четное» и «нечетное» субстанциально-2 присуще «числу» (*АРо*. 1.4, 73a37–40; 1.22, 84a16–17), поскольку определение, например, «нечетного» будет, вероятно, включать в себя выраженные вроде «свойство числа...» или «такое число, что...». Соответственно, для нужд данной статьи мы можем считать, что субстанциальные свойства предмета — это предикаты, присущие ему субстанциальным-1 или субстанциальным-2 образом, т.е. такие, которые входят в определение предмета, или же такие, в определение которых входит сам этот предмет.

Совершив это небольшой экскурс в учение «Второй аналитики», вернемся к Платону для того, чтобы несколько подробнее описать ту часть «Федона», которая будет нас в первую очередь интересовать ниже — второй метод гипотез. Основной смысл рассуждения Платона об этом способе аргументации можно свести к тому, что некоторые универсалии связаны друг с другом необходимым образом (см. особенно 103e; ср. *АРо*. 1.6), причем одним из двух: а) наличие одной из них в предмете необходимо свидетельствуют о наличии другой, т.е. они всегда даны вместе; б) наличие одной из них в предмете необходимым образом свидетельствует об отсутствии другой, т.е. они не могут быть даны в предмете вместе никогда.

Способом (а) связаны: холодное и снег (103cd); теплое и огонь (103cd, 105c); нечетное и тройка (104ab, d); четное и двойка (104b); дробное и треть (105b); болезнь и горячка (105c); нечетное и наличие единицы (105c); жизнь и душа (105cd); неуничтожимое и бессмертное (106b).

Способом (б) связаны: холодное и теплое (103cd); нечетное и четное (104d); дробное и целое (105b); жизнь и смерть (105d).

Некоторые из этих сочетаний терминов Платон использует в чисто иллюстративных целях — чтобы прояснить описываемый им характер связи универсалий для читателя; другие он использует для построения рассуждений, по своей природе, как это показал Шори, являющихся силлогистическими. Он последователь-

но предлагает ряд рассуждений по модусам Barbara и Celarent со следующими наборами терминов.

Barbara: [теплое, огонь, тело] (105bc); [болезнь, горячка, тело] (105c); [нечетное, наличие единицы, число] (105c); [жизнь, душа, тело] (105cd); [неуничтожимое, нечетное, три] (105e); [неуничтожимое, холодное, снег] (106a); [неуничтожимое, теплое, огонь] (106a); [неуничтожимое, бессмертное, душа] (106b).

Celarent: [смерть, жизнь, душа] (105d).

Среди этих силлогизмов, в свою очередь, значительная часть также носит чисто иллюстративный характер. Собственно, для обоснования своего тезиса о бессмертии души Платону нужны только два силлогизма. Для начала Платон заключает по модусу Celarent, что смерть не присуща никакой душе (105d); затем он вводит посылку о том, что «то, чему не присуща смерть», есть то же самое, что «бессмертное» (и значит, душа бессмертна); наконец он завершает свое доказательство умозаключением по модусу Barbara о том, что поскольку все бессмертное неуничтожимо, и душа бессмертна, то душа неуничтожима.

В разделах 3.1–3.5 я попробую показать, что используемые в этих рассуждениях Платона термины связаны между собой именно так, как, согласно предписаниям «Второй аналитики», должны быть связаны между собой термины в доказательстве.

3.1. Термины в доказательстве должны быть связаны субстанциальным образом.

Уже из простого перечисления используемых Платоном примеров терминов видно определенное пересечение между теми универсалиями, которые обсуждает Платон, и субстанциальными свойствами Аристотеля: четность и нечетность для чисел прямо фигурируют в обоих списках. Но этим дело не ограничивается: в случае почти всех прочих примеров свойств, о которых рассуждает Платон, мы также можем для начала довольно надежно показать, что они относятся к ближайшим терминам, о которых они сказываются, именно субстанциальным образом, т.е. так, что

либо 1) свойство входит в определение субъекта, либо 2) субъект входит в определение свойства.

3.1.1. «Душа» для Аристотеля и Платона очевидно связана с «жизнью» указанным образом — вопрос только в том, в смысле (1) или (2). У Аристотеля понятие жизни входит в определение души (*De An.* 2.1, 412a27–28), что делает их связанными субстанциально-1; насчет Платона сказать несколько сложнее в силу отсутствия эксплицитного определения в его собственных имеющихся в нашем распоряжении текстах. Если ориентироваться на псевдоплатоновские (но определенным образом, судя по всему, все же отражающие интеллектуальную жизнь Академии) «Определения» (*Def.* 411c7), то жизнь опять же входит в определение души (звучащее как αἰτία κινήσεως ζωτικῆς ζώων, «причина жизненного движения живых существ») и, значит, является субстанциальным-1 свойством души; то же самое выходит и если ориентироваться на свидетельства первой книги «О душе» (*De An.* 1.2, 404b7–27), где Аристотель, обсуждая взгляды Платона на душу, фактически отождествляет между собой «душу» и «само по себе живое существо»¹⁴, кажется, свидетельствуя тем самым, что для Платона между ними нет разницы.

3.1.2. Похожим образом обстоит дело с «огнем» и «теплом». Для Аристотеля теплота должна быть присуща огню субстанциально-1, поскольку огонь определяется им как сочетание сухого и теплого (*CG* 2.3, 330b3, 25–30); в случае с Платоном все опять же менее однозначно. Поскольку для Платона определяющими характеристиками огня являются его геометрические, а не качественные свойства (*Ti.* 53c–57c), то вряд ли (по крайней мере, в его поздней мысли) теплота и огонь связаны для него субстанциально-1. В то же время теплота объясняется Платоном через специ-

¹⁴ «Αὐτὸ τὸ ζῶον» здесь может быть также переведено как «само по себе животное»; но судя по замечанию Платона «ἅν ὃ τι περ ἄν μετὰσχῆ τοῦ ζῆν ζῶον ἄν λέγοιτο» («все, что причастно жизни, можно, конечно, называть животным», *Ti.* 77b), мы можем игнорировать в данном случае разницу между «живым существом» и «животным».

фическую геометрическую форму огня: будучи наиболее «острым» из элементов (пирамидой), он обладает способностью к разрезанию и расщеплению тел, которая и является теплотой (*Ti.* 61d–62a). И хотя Платон не делает здесь этого эксплицитно (поскольку очевидно, что в «Тимее» перед ним не стоит такой задачи), в свете сказанного кажется вероятным, что Платон должен был бы определить тепло через огонь (как специфическое «разрезающее» воздействие огня на другие тела), что подразумевало бы, что тепло является субстанциальным-2 свойством огня.

3.1.3. С «болезнью» и «горячкой» вновь все довольно просто в случае Аристотеля и чуть сложнее (хотя и надежнее, чем с теплом) в случае Платона. У Аристотеля мы можем найти более-менее прямое указание на то, что горячка (или лихорадка, *πυρετός*) — это вид болезни (*Top.* 4.3, 123b35–36), что говорит нам о том, что болезнь является субстанциальным-1 свойством горячки (поскольку означает, что болезнь является родом для горячки и как таковая входит в ее определение). Что касается Платона, то не совсем ясно, придерживается ли он в данном случае такого же, как Аристотель (вполне естественного) взгляда на соотношение болезни и горячки, или же развиваемого в «Тимее» более сложного взгляда, согласно которому болезни в теле в конечном счете возникают из-за недостатка, избытка или неправильного смещения четырех материальных элементов (*Ti.* 82ab), но горячка (пусть и отличающаяся периодичностью) при этом сопровождает любое заболевание тела (а не только то, которое вызвано избытком огня, 86a) — в последнем случае болезнь может быть также и субстанциальным-2 свойством горячки, поскольку первая может определяться при помощи последней (нечто вроде «сопровожаемый горячкой избыток или недостаток одного из элементов тела»).

3.1.4. В отношении «холодного» и «снега» свидетельства имеющих у нас текстов достаточно скудны, чтобы строить текстуально обоснованные предположения; вполне правдоподобно, од-

нако, что снег должен определяться с участием холодного, и значит, холодное должно быть присуще снегу субстанциально-1.

Немногим больше свидетельств и в отношении связи «неуничтожимого» (ἀνώλεθρον) и «бессмертного» (ἀθάνατον). Чисто умозрительно можно предположить, что «неуничтожимое» должно являться чем-то вроде рода для «бессмертного» (бессмертными, кажется, разумно было бы называть живые или одушевленные неуничтожимые сущности) и, значит, быть его субстанциальным-1 свойством, но прямых свидетельств этому опять же нет.

3.2. *Доказательство в эталонном случае производится при помощи определения, которое играет в нем роль среднего термина.*

Важной чертой неочевидного сходства «Федона» со «Второй аналитикой» является наличие выделяющегося на общем фоне и не сразу понятного примера в 105bc, где Сократ среди прочего говорит:

εἰ γὰρ ἔροίό με <...> ᾧ ἄν ἀριθμῶ τί ἐγγένηται περὶ τὸς ἕσται, οὐκ ἐρῶ
ᾧ ἄν περὶ τὸότης, ἀλλ' ᾧ ἄν μόνας.

если ты спросишь меня, <...> в силу присущности чего числу оно будет нечетным, то я отвечу, что не в силу нечетности, но в силу единицы.

Тот факт, что числу (под которым, вероятно, имеется в виду некое конкретное число — например, тройка) присуще свойство «нечетности», таким образом должен объясняться через тот факт, что ему присуща некая «единица». На фоне остальных примеров это может вызывать некоторое недоумение: во-первых, неподготовленному читателю, полагаю, не сразу понятно, что бы это могло значить; во-вторых, судя по всему, единица не может быть предикатом для тройки, что создает определенные трудности для предложенной Шори и разделяемой мной интерпретации рассуждений «Федона» как силлогизмов¹⁵.

¹⁵ Замечу, что сам Шори умалчивает об этом примере, полностью исключая

В действительности для всех этих трудностей есть решение, которое не просто позволяет отстоять понимание этого рассуждения как силлогистического, но дает основание считать сам этот пример одним из важнейших свидетельств связи второго метода гипотез «Федона» с учением о доказательстве «Второй аналитики». Именно обратившись к учению «Второй аналитики», мы можем понять, что имеет здесь в виду Платон. Последнее утверждает, что средними терминами в доказательных силлогизмах (а «единица» у Платона занимает положение именно среднего термина) должны в эталонном случае служить определения (АРо. 2.11, 94a35–36; 17, 99a21–29 и т.д.); причем определения больших терминов силлогизма¹⁶, т.е. доказываемых субстанциальных свойств, в нашем случае — нечетности. Сам термин «единица» явно не является определением для нечетности, но стоит нам посмотреть на определение нечетности из VII книги «Начал» Евклида (содержание которой, по общему признанию, восходит к куда более древним, чем сам Евклид, математикам — вероятнее всего, пифагорейцам¹⁷, — и значит, должно было быть известно Платону и Аристотелю): «нечетное же [число] — это [число], не делящееся пополам или *отличающееся на единицу от четного числа*» (Еис. 7, def. 7). Другими словами, «единица» в тексте Платона является своеобразной аббревиацией развернутого определения; развернув эту аббревиатуру, мы получим вполне верный силлогизм:

«Нечетное» принадлежит «[числу] отличающемуся на единицу от четного»
«Отличающееся на единицу от четного» принадлежит «тройке»
«Нечетное» принадлежит «тройке»

Или, иначе говоря, отличающееся на единицу от четного есть нечетное; тройка есть отличающееся на единицу от четного; сле-

его из своего рассмотрения и заменяя его искусственным примером с «тройкой книг», которой присуща нечетность, потому что она является тройкой.

¹⁶ Последнее не является общепризнанным, но я специально доказываю это в Юнусов 2017.

¹⁷ См., например, Heath 1921: 397–399.

довательно, тройка есть нечетное. Внимательный читатель мог заметить, что большая посылка в этом рассуждении выглядит несколько странно: она представляет собой определение, в котором определяемая и определяющая части поменялись местами по сравнению с тем, как они обычно даются в определениях. А именно, обычно определение имеет вид «нечетное — это число, отличающееся от четного на единицу», а не «число, отличающееся от четного на единицу — это нечетное». Однако, во-первых, поскольку в определении определяемая и определяющая части равны по объему, такая перестановка вполне возможна, а во-вторых, что гораздо важнее для нас, именно такой эксцентричный вид Аристотель прямо предписывает используемым в доказательствах определениям (*APo.* 2.17, 99a21–29), утверждая, что «средний [термин] — это формулировка первого [термина], поскольку все знания получают посредством определения»¹⁸, а также прямо приводя пример рассуждения, которое в более формальном виде выглядит следующим образом:

«Опадание листьев» принадлежит «затвердеванию сока семени у черенка листа»
«Затвердевание сока семени у черенка листа» принадлежит «широколиственному»
 «Опадание листьев» принадлежит «широколиственному»

Следует заметить, что «затвердевание сока семени у черенка листа» (τὸ πηγύσθαι τὸν ἐν τῇ συνάψει τοῦ σπέρματος ὀβόν) эксплицитно указывается Аристотелем здесь в качестве определения для «опадания листьев» (τὸ φυλλορεῖν) — и при этом очень похоже на то, что в собственном смысле определением эта формулировка быть не может. При всей свободе обращения с формулировками, которую себе позволяет (особенно в рамках «Второй аналитики») Аристотель, а также при всей широте значения субстантивированного инфинитива «τὸ φυλλορεῖν», едва ли «затвердевание» может быть родовым термином для процесса сбрасыва-

¹⁸ ἔστι δὲ τὸ μέσον λόγος τοῦ πρώτου ἀκροῦ, διὸ πᾶσαι αἱ ἐπιστήμαι δι' ὀρίσμου γίγνονται.

ния листвы. И тут нам следует вернуться обратно к «Федону» и его определению «нечетности» через «единицу»: выглядит чрезвычайно вероятным, что, подобно тому, как там для указания на «полное» определение («[число] отличающееся на единицу от четного») была использована только некоторая его значимая часть («единица»), так же и здесь «затвердевание сока семени у черенка листа» используется в качестве аббревиации для более полного определения, которое Аристотель оставляет за скобками рассуждения. У Аристотеля даже есть эксплицитное обсуждение подобной практики. В «Первой аналитике» (*APr.* 1.39, 1.43) он прямо рекомендует сокращать в силлогизмах развернутые выражения и заменять полные определения их частями (например, определение воды «жидкость, пригодная для питья» (ὕγρὸν πότην) на «пригодное для питья» (πότην)). А во «Второй аналитике» мы, возможно, можем найти теоретическое осмысление подобного обращения с определением. Так, в *APo.* 2.8–10 Аристотель различает несколько смыслов, в которых можно говорить об определениях; его примером при этом служит определение грома. Наряду с (1) полным определением («шум вследствие затухания огня в тучах») и (2) определением, указывающим только крайние элементы полного («шум в тучах»), Аристотель выделяет также третий вид, для которого он не приводит примера и который он характеризует как «недоказуемое положение о сути [вещи]» (*APo.* 2.10, 94a9–10)¹⁹. Среди исследователей нет полного согласия насчет того, что именно имеется в виду под этим последним, однако один из возможных вариантов здесь заключается в том, что под этим Аристотель подразумевает ту часть, которой определение (1) отличается от определения (2); т.е. «средний термин» определения — «затухание огня». Именно он прежде всего раскрывает ту причину, которую должно указывать определение в структуре доказательства (*APo.* 2.8, 93b8–10), и поэтому, возможно, подобного рода определениями вполне можно ограничиться при построении доказательных силлогизмов, так же как Платон

¹⁹ θέσις <...> τοῦ τί ἐστὶν ἀναπόδεικτος.

ограничивается термином «единица» для указания на самое важное в подразумеваемом им определении.

Таким образом, сразу ряд весьма эксцентричных особенностей нотации «Второй аналитики» — ссылка на определение только через его значимую часть; обратный порядок определяющей и определяемой части; использование определения в качестве среднего термина — находит свои параллели в рассуждении Платона о нечетности и единице, что, как мне кажется, служит достаточно хорошим аргументом в пользу связи второго метода гипотез «Федона» и «Второй аналитики».

3.3. Доказательство представляет собой доказательство принадлежности субстанциальных свойств так называемым «субъектам» доказательства.

Ориентируясь исключительно на частоту, с которой Платон обращается к тем или иным примерам, легко заметить, что главными примерами необходимого отношения между двумя универсалиями, с которыми работает Платон, являются отношения между 1) «теплым» и «огнем»; 2) «нечетным»/«четным» и рядом соответствующих чисел; и 3) «жизнью» и «душой». Они доминируют в дискуссии настолько, что, например, Шори в своей статье почти целиком концентрируется только на них, обсуждая кроме этих трех только еще один пример Платона — а именно, пример «болезни» и «горячки». Мне кажется важным заметить, что ни один из этих трех примеров не является примером связи между терминами, представляющими собой род и вид. Во всех этих случаях перед нами примеры не родо-видовой связи, но связи некоего субстанциального свойства (теплота, нечетность, жизнь) с неким термином, в котором легко увидеть скорее предмет, чем свойство (огонь, тройка, душа). Это значимо в контексте сравнения со «Второй аналитикой» — в центре описываемой в этом трактате структуры доказательства лежит связь субстанциальных свойств ($\kappa\alpha\theta' \alpha\upsilon\tau\acute{\alpha} \upsilon\lambda\acute{\alpha}\rho\chi\omicron\tau\alpha$, или $\kappa\alpha\theta' \alpha\upsilon\tau\acute{\alpha} \lambda\acute{\alpha}\theta\eta$, или $\kappa\alpha\theta' \alpha\upsilon\tau\acute{\alpha} \sigma\upsilon\mu\beta\epsilon\beta\eta\kappa\omicron\tau\alpha$ ²⁰) и так называемых «субъектов» доказатель-

²⁰ Есть ли между этими тремя формулировками (а также очевидно близкой

ства (см., напр., *АПо.* 1.7, 75a42–b1; 1.10, 76b22; *Metaph.* В.2, 997a8, 22–23), при этом а) ни один из приводимых Аристотелем примеров субстанциальных свойств не является примером родового термина²¹ (большая их часть похожа скорее на «нечетность», которая служит для Аристотеля одним из наиболее частых примеров субстанциального свойства (*АПо.* 1.4, 73a39, b20; 1.10, 76b8; 1.22, 84a14–15; см. также 2.13, 96a24 ff.); б) последние «субъекты» доказательства представляют собой то ли неделимые виды общего рода, то ли индивидов, на которые эти виды распадаются, — в любом случае большая часть приводимых Аристотелем примеров (см. *АПо.* 1.7; 1.10, 76a34–36, 40–b22; 2.13, 96b15–21) носит характер скорее «предметов», чем «свойств», и двойка с тройкой опять же фигурируют в числе этих примеров (2.13, 96b17).

Заслуживающим в этой связи внимания мне кажется также тот факт, что примеры общеутвердительных посылок (т.е. таких, в которых предикат присущ всему объему субъекта), которыми Аристотель оперирует в «Первой аналитике», отличаются от примеров «Второй аналитики», в случае которой последовательно

к ним ἴδια λάθη, 2.13, 96b20) значимая разница — отдельный непростой вопрос, останавливаться на котором я здесь не могу (см., напр., Bronstein 2016: 46–48).

²¹ Вопреки частым утверждениям об обратном: см., напр., Solmsen 1929: 83–84 (ср. параллельную ошибку в отношении силлогизмов «Федона» в Ross 1951: 33–34). Исключением может показаться место (*АПо.* 1.22, 83a36–b8), где Аристотель в ходе обоснования тезиса о том, что доказательство не может быть бесконечным и количество посылок и терминов в нем всегда ограничено, приводит для иллюстрации ряд терминов, среди которых фигурируют «животное» и «человек», причем явно подразумевается, что речь идет о рассуждении, где первый термин сказывается о втором. Однако стоит обратить внимание, что этот единичный случай встречается в ходе рассуждения, которое сам Аристотель характеризует как чисто «словесное» (λογικῶς (...) λεχθέντος, 84a7–8), т.е. предварительное, не относящееся к собственно в строгом смысле рассматриваемому в данном случае предмету, не исходящее из собственных начал той дисциплины, в границах которой Аристотель намерен впоследствии строго рассуждать — т.е. не отражающее собственной специфики учения о доказательстве (о котором Аристотель далее будет рассуждать «аналитически» (ἀναλυτικῶς, 84a8 ff.) — не в смысле, разумеется, современного «анализа», но в смысле точного согласия с учением его «Аналитик» о доказательстве.

приводимым образцом служит свойство, а) связанное с субъектом субстанциальным образом и при этом б) не относящееся к субъекту как род к виду. В «Первой аналитике» общеутвердительные посылки в основном представляют собой как раз либо а) примеры отношения типа род-вид (животное и человек (1.4, 26b7; 1.5, 27a22, b38 и т.д.); сущность и животное (1.5, 27a20); знание и медицина (1.4, 26a11–12) и т.д.), либо б) если речь все же идет не о родовом термине, а о свойстве, — то это свойство, судя по всему, не является субстанциальным для субъекта. Хорошими примерами последнего случая будет «белое» для «лебедя» и «снега» (1.4, 26a38; 1.5, 27b26–27, 33, 34; 1.6, 29a3 и т.д.): хотя, например, «белое» сказывается обо всяком (κατὰ παντός) «лебедю», но оно не сказывается о нем как его субстанциальное свойство (καθ' αὐτό, ср. *APo.* 1.4, 73a27 ff.) — поскольку, судя по всему, ни «белое» не входит в определение «лебедя», ни «лебеде» в определение «белого»²². Основные примеры «Федона», таким образом, имеют сходство именно с примерами «Второй», а не «Первой аналитики».

3.4. В доказательстве средний термин указывает на причину принадлежности большего термина меньшему.

Учитывая все сказанное выше, стоит вернуться к понятию «причины» и тому, как оно функционирует в «Федоне» и «Второй аналитике».

Характерной чертой учения «Второй аналитики» об использовании «причин» в доказательствах является утверждение о том, что на причину должен указывать средний термин доказательства силлогизма (*APo.* 1.13, 2.2). Аристотель понимает доказательство как своеобразный ответ на вопрос «почему?», адресованный заключению этого доказательства. Доказательство (которое, на-

²² Следует заметить, что в (*Cat.* 10, 12b26–13a3) Аристотель говорит, что белизна присуща снегу «по природе» (φύσει) и даже сближает связь белизны и снега со связью, существующей между теплом и огнем. Однако я не думаю, что мы можем из этого заключить, что связь белизны со снегом является субстанциальной; предметом интереса Аристотеля в указанном месте является необходимая (ἀναγκαῖον), а не субстанциальная (καθ' αὐτό) связь.

помню, должно в эталонном случае осуществляться по модусу Barbara первой фигуры силлогизма) обычно имеет вид:

А принадлежит В

В принадлежит Г

А принадлежит Г

В таком случае средний термин, термин В, для Аристотеля является ответом на вопрос «почему А принадлежит Г?». Например, почему опадают листья (А) у широколиственных растений (Г)? — В силу затвердевания сока семени у черенка их листа (В) (см. раздел 4.2).

Нетрудно заметить, что второй метод гипотез «Федона» оперирует в сущности точно таким же пониманием причины и ее места в доказательстве и объяснении. Сократ, указывая, как следует отвечать на вопросы о том, почему некоторое свойство присуще некоторому предмету, указывает на некий третий термин — который во всех случаях представляет собой именно *средний* термин силлогизма — который дает объяснение их связи и является ее причиной. Почему теплота (А) присуща этому телу (Г)? Потому что ему присущ огонь (В). Почему жизнь (А) присуща этому живому существу (Г)? Потому что у него есть душа (А). Почему является нечетным (А) данное число (Г)? Потому что ему присуща единица, т.е. оно отличается на единицу от четного (В). И так во всех случаях²³.

²³ В некотором смысле у Аристотеля посылки всякого правильного (а не только доказательного) силлогизма являются причинами его заключения, а именно, как говорит Аристотель (напр., *АПо*. 2.11, 94a20 ff.), его «материальными» причинами (см. Crubellier, Pellegrin 2002: 56–57). В случае доказательства, однако, речь явно идет о причинах в более сильном смысле. Шори в своей работе также подчеркивал связь метода гипотез «Федона» и учения о силлогизме Аристотеля на основании, с одной стороны, связи обоих с исследованием причинности (Shorey 1924: 6, 8–9), а с другой — наличия в силлогизмах «Федона» явного среднего термина, играющего ровно ту роль, которую он играет в силлогизмах Аристотеля (Shorey 1924: 16). Но его обсуждение этой темы, на мой взгляд, неполно и непоследовательно. Во-первых, он не связывает эти две

Можно задаться вопросом: есть ли у нас в действительности основания говорить, что в указанном отрывке «Федона» (105b ff.) речь у Платона именно о причинах? Ведь начиная с 101c само слово «причина» перестает употребляться в тексте, и в 105bc его уже совсем нет. И хотя это действительно так, сомнения в том, что Платон говорит здесь именно о причинах, быть не может. При обсуждении первого метода гипотез в 100a–101e Сократ описывал именно свой способ объяснения причин того, что свойство при- сущее некоему предмету: причиной того, что нечто прекрасно, является прекрасное само-по-себе (100c). В 105c он явно отсылает к этому способу объяснения причин, одновременно предлагая вза- мен его «более тонкое» объяснение:

Εἰ γὰρ ἔροίό με ᾧ ἂν τί ἐν τῷ σώματι ἐγγένηται θερμὸν ἔσται, οὐ τὴν ἀσφαλῆ σοι ἐρῶ ἀπόκρισιν ἐκείνην τὴν ἀμαθῆ, ὅτι ᾧ ἂν θερμότης, ἀλλὰ κομψοτέραν ἐκ τῶν νῦν, ὅτι ᾧ ἂν πῦρ.

вещи — причинность и средний термин — упуская основополагающую черту «Второй аналитики», явно находящую параллель в «Федоне». Во-вторых, при обсуждении причинности он, хотя и дает понять, что ему знакомо различие между причинностью в слабом смысле, демонстрируемой любым правильным силлогизмом, и причинностью в сильном смысле, демонстрируемой только доказательными силлогизмами «Второй аналитики», уклоняется от ясного ответа на вопрос, причинность в каком из этих смыслов он видит в «Федоне». То, что он прямо отказывается подробно обсуждать «научные» (т.е. доказательные) силлогизмы, кажется, должно указывать на то, что он готов ограничиться причинностью в слабом смысле — в этом случае его подход неудовлетворителен, поскольку в «Федоне» явно содержится больше. С другой стороны, львиная доля его рассуждения построена на том, что речь Сократа в «Федоне» представляет собой обсуждение различия между объяснением чего-то с помощью указания на его основание (reason; так делали критикуемые Сократом физики) и на его причину (cause; так предписывает делать Сократ); и то же самое различие между основанием (= причинность в слабом смысле) и причиной (= причинность в сильном смысле) он находит в *APo.* 1.13, что должно говорить о том, что Шори связывает учение Аристотеля с методом гипотез «Федона» именно в аспекте сильной причинности. Но тогда он не может заявить в целом, что «аристотелевский силлогизм... представляет собой формулировку, или способ поиска, причины (cause)» (Shorey 1924: 9); сказанное будет верно не обо всяком силлогизме, но только о доказательном.

Итак, если бы ты спросил меня, в силу (ζ) присущности чего телу оно будет теплым, то я бы уже не дал тебе прежнего достоверного, но невежественного ответа, что в силу (ζ) присущности тепла; теперь я ответил бы более тонко: в силу (ζ) присущности огня.

Важно, что поскольку этот способ «ответа» предлагается вместо «прежнего», т.е. рассмотренного выше (который состоял бы в том, что нечто является теплым за счет причастности теплу), а этот прежний способ, как явно указывал Сократ, являлся способом объяснения *причин* вещей, то и этот новый способ также есть именно способ объяснения причин. В греческом тексте это хорошо заметно: хотя слово «причина» действительно не встречается в тексте 105bc, Платон в этом отрывке чрезвычайно активно (10 раз) употребляет местоимение « ζ », явно имеющее в данном контексте причинный смысл («за счет чего?» или «в силу чего?»). Таким образом, мы находим в «Федоне» не только эксплицитное обсуждение понятия причины и причинности (см. раздел 2.5), но и в точности тот способ функционирования «причин» в рассуждениях, который предписывает «Вторая аналитика».

3.5. *Модель доказательства подразумевает построение рядов силлогизмов, или сорита, где заключения одних силлогизмов служат посылками следующих, и итогом сорита служит заключение о присущности субстанционального свойства субъекту доказательства.*

Далее я хотел бы указать на ряд менее весомых параллелей между примерами второго метода гипотез «Федона» и учением о доказательстве Аристотеля. Одна из них (3.5.1), подобно наблюдениям из раздела 2, представляет собой не очень глубокое указание на некоторые лексические и смысловые пересечения, тогда как другая (3.5.2) требует от нас принять небесспорную предпосылку. Тем не менее, я полагаю, что при должном предостережении читателя насчет их шаткости, я все же могу позволить себе для полноты картины привести и эти соображения.

3.5.1. В ряде произведений Аристотеля мы можем обнаружить любопытное воспроизведение ряда тех примеров, которые дает Сократ при обсуждении второго метода гипотез в «Федоне».

В 10 главе «Категорий», посвященной разбору того, в каком смысле вещи могут противoleжать друг другу, в тех разделах, которые посвящены обсуждению противоположностей (τὰ ἐναντία, 11b39–12a9, 12b26–41), мы можем найти перечисление ряда предметов и их свойств, которые упоминаются в «Федоне»: болезнь (и здоровье) для тела; четное и нечетное для числа; теплое для огня; и даже снег упомянут здесь — правда, свойством, которое обсуждается в его отношении, является не холодное, а белизна. Возможно, мы можем видеть в этом косвенное указание на то, что этот платоновский ряд свойств и предметов занимает в мысли Аристотеля важное место, являясь в своем роде образцовым набором универсалий, связанных между собой необходимым образом; впрочем, едва ли стоит делать из него какие-то веские выводы. Гораздо более любопытно тематическое пересечение с примерами «Федона» отрывков из Z «Метафизики». В 7-й (1032b2–31) и 9-й (1034a21–32) главах этой книги Аристотель не просто перечисляет знакомый нам ряд терминов тело-здоровье/болезнь-теплота, но и говорит об упорядочивании их в ряд как терминов «умозаключений», т.е. делает их элементами подразумеваемого силлогистического рассуждения, состоящего из ряда силлогизмов²⁴. При этом, поскольку речь об умозаключениях, началом в которых является суть (τὸ τί ἔστι) вещей (т.е. определение) и которые указывают на причины, речь явно именно о доказательных силлогизмах «Второй аналитики». Даже если эти пересечения случайны в том смысле, что они не носят характера намеренной отсылки к «Федону», они являются дополнительным, пусть и не очень весомым, свидетельством в пользу того, что тип обсуждаемых в «Федоне» рассуждений принципиально родственен доказательствам «Второй аналитики».

3.5.2. Следующее соображение требует от нас чуть более воль-

²⁴ Хотя в 7-й главе, в отличие от 9-й, нет эксплицитного упоминания силлогизмов, в описываемом в 1032b2–31 безошибочно угадывается делиберация практического силлогизма «Никомаховой этики» (ср. EN 7.3, 1147a25 ff.; De An. 3.11, 434a15–20; MA 7).

ного, чем обычно, интерпретационного усилия, и поэтому, хотя я и предлагаю его вниманию читателя, я должен заметить, что к нему следует относиться с повышенной настороженностью.

Вернемся к следующим один за другим в «Федоне» (105bc) двум силлогизмам: имеющим термины [теплое, огонь, тело] и [болезнь, горячка, тело]. Допустим теперь, что Платон понимает горячку так, как она понимается в псевдоаристотелевских «Проблемах» — как избыток тепла в теле (*Pr.* 1.20, 862a1). Мне нечем подтвердить это предположение, но оно не выглядит невозможным: это вполне похоже на стандартное для античной медицины понимание горячки, или лихорадки. Если мы согласимся с этим, то мы можем предположить, что перед нами здесь не пара отдельных силлогизмов, но серия из двух силлогизмов, являющихся звеньями общего рассуждения, так называемого «сорита», в котором в ряду терминов болезнь-горячка-тепло-огонь-тело каждый следующий является субъектом предикации предыдущего.

Здесь необходима важная оговорка. Очевидно, что такой ряд терминов в строгом смысле не дает правильного сорита согласно стандартам современной силлогистики: сбой происходит на термине «тепло», поскольку «тепло», судя по всему, будет фигурировать в рассуждении в качестве двух разных терминов: с одной стороны, «избыток тепла в теле» (определение горячки), а с другой — просто «тепло» (необходимое свойство огня). Однако это обстоятельство не является фатальным для предложенной интерпретации. Действительно, Аристотель эксплицитно разбирает и «узаконивает» подобные случаи в *APr.* 1.36–37). В 1.37 он кратко говорит, что используемая в формулировке силлогизмов связка «принадлежать» (ὕλαρχεῖν) употребляется в стольких же смыслах, сколько есть категорий. В 1.36 он более подробно разбирает такие случаи, как наш:

Τὸ δὲ ὑλάρχεῖν τὸ πρῶτον τῷ μέσῳ καὶ τοῦτο τῷ ἄκρῳ οὐ δεῖ λαμβάνειν ὡς αἰεὶ κατηγορηθησομένων ἀλλήλων ἢ ὁμοίως τὸ τε πρῶτον τοῦ μέσου καὶ τοῦτο τοῦ ἐσχάτου (*APr.* 1.36, 48a40–b1).

То, что первый [термин] 'принадлежит' среднему, а средний —

третьему, не надо понимать в том смысле, что они всегда будут высказываться друг о друге или же что первый всегда [принадлежит] среднему так же, как средний крайнему.

Чуть ниже следует пример:

οἷον εἰ οὐ ἐπιστήμη ἔστιν, ἔστι τούτου γένος, τοῦ δ' ἀγαθοῦ ἔστιν ἐπιστήμη, συμπέρασμα ὅτι τοῦ ἀγαθοῦ ἔστι γένος· κατηγορεῖται δ' οὐδὲν κατ' οὐδενός. εἰ δ' οὐ ἔστιν ἐπιστήμη, γένος ἔστι τούτο, τοῦ δ' ἀγαθοῦ ἔστιν ἐπιστήμη, συμπέρασμα ὅτι τὰγαθόν ἔστι γένος... (APr. 1.36, 48b22–26).

если у всего, о чем есть знание, есть род, а о благе есть знание, то заключением будет [высказывание о том], что у блага есть род; [а из этих терминов] ни один не высказывается ни об одном другом. А если бы было так, что, о чем есть знание, есть род, а о благе есть знание [т.е. термины именно бы высказывались друг о друге, а не были связаны иными отношениями], то заключением было бы, что благо есть род...

Именно подобным образом выглядит наш гипотетический сорит: А принадлежит В («болезнь» принадлежит «горячке»; всякая горячка — болезнь); В принадлежит Г («горячка» принадлежит «теплу»; горячка есть избыток тепла); Г принадлежит Δ («тепло» принадлежит «огню»; избыток тепла есть избыток огня); Δ принадлежит Е («огонь» принадлежит «телу»; в этом теле — избыток огня); следовательно А принадлежит Е («болезнь» принадлежит «телу»; это тело — больное). А это в свою очередь весьма напоминает именно то построение «цепей» силлогизмов, которое лежит в самом основании модели доказательства «Второй аналитики» (APo. 1.19–23): в такой цепи меньшим термином служит «субъект» доказательства (тело), а остальные термины могут представлять собой а) его свойства (горячка); б) свойства этих свойств, по транзитивности являющиеся и свойствами субъекта (болезнь); в) определения тех или других (избыток тепла в теле).

4. Наконец, следует обсудить некоторые бросающиеся в глаза отличия между рассуждениями Сократа в «Федоне» и стандартным аристотелевским пониманием доказательства.

Основные отличия такого рода связаны с некоторыми из меньших терминов силлогизма: а именно, с их природой, а также связью с остальными терминами силлогизма. Здесь можно выделить следующие проблемы.

а) Для Аристотеля в классическом случае меньшие термины представляют собой последние неделимые виды некоторого рода; при этом ряд используемых Платоном меньших терминов скорее представляют собой термины для индивидов; б) отношение субстанциальной связи должно сохраняться между всеми терминами доказательного силлогизма; применительно к обсуждаемому сюжету это значит, что меньший термин должен быть связан с другими двумя субстанциальным образом; для некоторых из примеров Платона это, кажется, не так; в) в некоторых из силлогизмов Платона мы обнаруживаем причудливое, не похожее на предикацию отношение между средним и меньшим термином, что может заставить нас усомниться, что мы вообще можем говорить в данном случае о силлогизме; г) сам средний термин у Платона в некоторых случаях оказывается похож скорее на сущность (причем индивидуальную), чем на свойство.

Используемые Платоном примеры силлогистических рассуждений страдают от этих проблем в разной мере.

4.1. Самый простой случай — с силлогизмами, касающимися чисел; в их случае, кажется, ни одной из указанных проблем не возникает.

4.2. Сложнее дело обстоит в случае силлогизмов о душе. С одной стороны, с терминами [жизнь-душа-тело] вполне можно построить силлогизм, в котором «тело» было бы универсалией: в этом случае под ним будет пониматься живое тело, т.е. животное. Тогда перед нами сочетание терминов [жизнь-душа-животное], что дает верный в понимании, например, Аристотеля, силлогизм: жизнь действительно присуща всякому животному, поскольку ему присуща душа²⁵. Но для целей Платона подобного рассуждения явно недостаточно; ему нужно, чтобы душа была отдель-

²⁵ Отсюда не будет следовать, что всякое животное бессмертно: животным,

ной сущностью, присущей телу как другой сущности, т.е. чтобы соотношение души и тела было соотношением одного предмета, находящегося в другом. Таким образом, и душа, и тело в данном случае выступают скорее как термины для обозначения индивидов. Одновременно это значит, что между душой и телом явно нет отношения субстанциальной присущности, хотя бы по той простой причине, что всякая субстанциальная связь является необходимой и, значит, неразрывной, а для аргументации Платона является принципиальным, чтобы душа и тело могли существовать по отдельности друг от друга (если бы это было не так, то либо любое тело было бы бессмертным, либо душа уничтожалась бы вместе с телом, как у Аристотеля). Все вместе это дает нам весь спектр проблем от (а) до (г).

Однако в некотором смысле все сказанное не так страшно для сравнения рассуждения «Федона» о душе с учением о доказательстве Аристотеля. В конце концов, силлогизм с терминами [жизнь-душа-тело] играет исключительно вспомогательную для рассуждения Платона роль; по-настоящему его интересуют другие умозаключения, а именно силлогизм по Celarent с терминами [жизнь-смерть-душа] и следующий за ним силлогизм по Barbara с терминами [неуничтожимость-бессмертие-душа]. Т.е. в итоге субъектом доказательства выступает именно душа, и она в этом доказательстве имеет ровно такой, лишенный проблем (а)–(г) вид, какой должен иметь субъект доказательства во «Второй аналитике» в классическом случае. Кроме того, ряд этих проблем имеет и другое решение, которое, однако, удобнее показать на примере следующего рассуждения Платона — в конце концов, оно точно так же демонстрирует их все.

4.3. Действительно, аналогичные проблемы возникают и с силлогизмом с терминами [тепло-огонь-тело]: а) и огонь, и тело в меньшей посылке скорее представляют собой индивидуальные термины; б) между меньшим термином («тело») и прочими, су-

если мы обратимся к типичному взгляду Аристотеля на этот вопрос, тело может считаться только до тех пор, пока оно живое.

дя по всему, нет отношения субстанциональной присущности: ни тепло, ни огонь, кажется, не являются необходимо присущими телу²⁶, поскольку тело может быть и холодным (и, значит, лишённым огня); в) огонь здесь, кажется, скорее представляет собой индивидуальную сущность, чем свойство; г) огонь «находится» в «теле», а не предидируется ему (неверно сказать, что тело — это огонь). Однако я полагаю, что и в данном случае эти проблемы можно отчасти смягчить.

Если мы примем предложенную в разделе 3.5.2 (повторю, весьма проблематичную) интерпретацию рассуждений о присущности телу теплоты и болезни не как двух отдельных силлогизмов, но как сорита, то это отчасти решает проблему следующим образом. Болезнь, по крайней мере для Аристотеля, является субстанциональным свойством тела — это видно как по определениям, которые мы можем найти в аристотелевском корпусе (*Pr.* 19.38, 921a1; *Rh.* 1.5, 1361b3), так и по эксплицитному уравниванию свойств здоровья и болезни для тела с парадигматическим для теории доказательства Аристотеля примером субстанциональных свойств четного и нечетного для числа: как любому числу с необходимостью присуща четность или нечетность, но не обе сразу, так и любому телу с необходимостью присуще здоровье или болезнь, но не то и другое сразу (*Cat.* 10, 12b26 ff.). При этом за терминами «тепло» и «огонь» сорита при такой интерпретации, как мы видели, скрывается «избыток тепла в теле» (определение горячки) и «избыток огня в теле» соответственно; эти термины также будут присущи «телу» субстанциональным образом, поскольку в сами эти выражения входит термин «тело».

Это решает проблему (б). Проблему (а) также можно по крайней мере смягчить. Хотя эталонными для Аристотеля действительно, судя по всему, являются примеры доказательств, в которых меньшим термином служит неделимый вид, в реальности

²⁶ Если только мы не понимаем в данном случае это в том слабом смысле, что в любом теле есть какая-то доля огня, и, значит, тепла; это, однако, явно не тот смысл, который интересует здесь Платона.

мы обнаруживаем во «Второй аналитике» в том числе примеры доказательства, где в качестве меньшего термина выступает индивид: такую природу явно имеют доказательства затмения Луны (*APo.* 2.1, 89b26; 1.13, 78b4–13; 2.2, 90a3, 12, 17, 26; 2.8, 93a30–b7; 2.16, 98b17–23) и грома в тучах (*APo.* 2.8, 93b7–14; 2.10, 94a2–10). Этими же примерами, видимо, по крайней мере отчасти снимаются проблемы (в) и (г): вне всякого сомнения, отношение, в котором состоят, например, термины «огонь» и «тело», не является в классическом смысле отношением предикации (В есть А), но представляет собой более экзотическое для логики отношение (что-то вроде «А находится в В», где оба термина отсылают к индивидам); но *в точности такой же* характер имеет отношение между громом (который Аристотель понимает как «шум, происходящий вследствие затухания огня в тучах») и тучами, а для описания этих двух терминов Аристотель использует свое стандартное обозначение для выражения предикации: гром «принадлежит» (ὑπάρχει) тучам. Таким образом, как и в значительном числе других случаев, указанная проблема является проблемой для нашего современного понимания силлогистики, но не для учения «Второй аналитики», с которым мы должны сравнивать «Федона» (более того, судя по уже упоминавшимся в разделе 3.3 замечаниям Аристотеля в *APr.* 1.36–37, она не является проблемой даже для учения «Первой аналитики»).

В целом, можно заметить, что несмотря на то, что некоторые из силлогизмов Платона несколько отклоняются от эталонных предписаний учения о доказательстве «Второй аналитики», они, судя по всему, делают это не в большей мере, чем сами примеры «Второй аналитики».

На этом я закончу обзор параллелей между вторым методом гипотез «Федона» и учением о доказательстве «Второй аналитики». Я полагаю, что сделал достаточно, чтобы показать, что рассуждения, которые обнаруживаются в «Федоне», весьма похо-

жи на доказательные силлогизмы «Второй аналитики»: сходство между ними простирается от общей логической формы до особенностей используемых в них специфического рода посылок и терминов.

Далее, разумеется, уместным было бы задаться вопросом о причинах этого сходства. Этот вопрос, мне кажется, может быть предметом отдельного подробного исследования; никак не претендуя, таким образом, дать на него окончательный ответ, я могу, тем не менее, предварительно заметить следующее.

Прежде всего, учитывая характер и детальность сходства, оно, на мой взгляд, едва ли может быть случайным: между вторым методом гипотез «Федона» и доказательными умозаключениями «Второй аналитики» существует реальная связь. Каков характер этой связи? Чисто теоретически, видимо, они могут быть связаны одним из трех образов: 1) метод гипотез «Федона» является (в той или иной мере) источником учения о доказательстве Аристотеля; 2) учение о доказательстве Аристотеля является (в той или иной мере) источником для метода гипотез «Федона»; 3) и метод гипотез, и учение о доказательстве Аристотеля имеют некий третий общий источник. Двигаясь в обратном направлении от наименее правдоподобной гипотезы к наиболее вероятной, мы можем попытаться представить каждую из них в самом выгодном из возможных для нее варианте.

Наиболее разумным вариантом гипотезы (3) было бы, видимо, утверждение, что и Аристотель, и Платон апеллируют к некой распространенной в Академии практике рассуждения, каждый по-своему пытаясь ее формализовать. Подобное утверждение, однако, будет являться чисто умозрительным, не имея основания ни в каких имеющихся в нашем распоряжении источниках.

Самым удачным, на мой взгляд, способом отстаивать гипотезу (2) было бы утверждение, что во втором методе гипотез «Федона» мы имеем дело со своеобразной игрой интеллектуальными мускулами, столь свойственной Платону. Подобно тому, как «Тимей» в значительной степени представляет собой попытку

Платона продемонстрировать, что он может выступить в жанре космогонии ничуть не хуже натурфилософов, а «Федр» показывает, что и в жанре совещательной речи он легко превзойдет профессиональных риториков, так и здесь мы имеем дело с одним из тех многочисленных мест в платоновском корпусе, где тот показывает свое знакомство с окружающей его интеллектуальной культурой и умение мастерски выступить в некотором (в данном случае новомодном) жанре, блестяще приспособив его для своих целей. Это могло бы также служить своеобразным объяснением того, почему в других местах платоновского корпуса рассуждения, подобные тем, что мы находим в рамках описания второго метода гипотез, кажется, не встречаются: для Платона прием апроприации чужих способов рассуждения служит, как правило, способом показать свои компетентность и превосходство во владении некоторой техникой или некоторым жанром с тем, чтобы потом от этих жанра или техники с полным правом отказаться. Однако подобное предположение, помимо всего прочего, видимо, предполагало бы, что к четвертому аргументу бессмертия души «Федона» следует относиться *cum grano salis*, поскольку он представляет собой скорее демонстрацию интеллектуальной силы Платона, чем вполне добросовестное и основательное доказательство. Тогда как у нас, кажется, нет никаких причин всерьез сомневаться, что Платон предлагает этот аргумент со всей серьезностью. Кроме того, имеющиеся в нашем распоряжении источники не дают нам независимых свидетельств знакомства Платона с текстом «Второй аналитики»; предполагать же его исключительно на описанных выше основаниях было бы опрометчивым.

Наиболее разумной мне представляется самая очевидная гипотеза — гипотеза (1). Она предполагает, что Аристотель при разработке своей теории доказательства находился под влиянием метода гипотез «Федона». Вполне вероятно, что факт столь точного соответствия мельчайших и часто эксцентричных деталей тех рассуждений, которые мы находим в «Федоне», и доказательств «Второй аналитики» — типа использования одного тер-

мина для обозначения определения (раздел 3.2) или необычных, отличных от предикации отношений между терминами силлогизма (раздел 4.3) — объясняется тем, что при продумывании своей теории доказательства Аристотель ориентировался прежде всего на те конкретные примеры рассуждений, которые обнаруживаются при описании второго метода гипотез «Федона», и далее — на рассуждения, производные от этих примеров по их модели. Опять же, знакомство Аристотеля с платоновским «Федоном» (в отличие от знакомства Платона со «Второй аналитикой») хорошо засвидетельствовано в аристотелевском корпусе текстов — более того, из четырех эксплицитных отсылок Аристотеля к «Федону» три (*Metaph.* А.9, 991b3; М.5, 1080a2; *GC* 2.9, 335b10) отсылают именно к обсуждению Сократом метода гипотез.

Следующий вопрос, который следует затронуть, касается меры продуманности самым Платоном того способа рассуждения, примеры которого мы обнаруживаем в рамках второго метода гипотез «Федона». Скрывается ли за достаточно лапидарным наброском из «Федона» продуманная в деталях теория самого Платона, подобная той, которую мы находим во «Второй аналитике», или же это исключительно Аристотель переосмысляет и насыщает деталями некий довольно общий и минимально теоретически оформленный способ рассуждения? Уже исходя из одного моего ответа на предыдущий вопрос можно заключить, что я склоняюсь скорее к последнему. Вряд ли мы можем с уверенностью приписать Платону в «Федоне» ту тщательную разборчивость в типах рассматриваемых универсалий и способах связи между ними, которая является столь характерной чертой мысли Аристотеля. Но для наличия генетической связи между «Федоном» и «Второй аналитикой», разумеется, вовсе не обязательно, чтобы Платон ясно видел в обсуждаемых им видах идей те различия, которые там будет обнаруживать Аристотель, — точно так же, как для утверждения о том, что учение Аристотеля о силлогизме родилось из указанного места «Федона», вовсе не обязательно, чтобы Платон отчетливо осознавал имплицитно содержащуюся в его

рассуждении ценнейшую логическую идею. Важен сам факт того, что в своем учении о доказательном знании Аристотель мыслит в качестве эталонного случая доказательного силлогизма такой силлогизм, в котором субъект и предикат не только формально (т.е. логически) связаны так, как это изображено в «Федоне», но и имеют точно такую же, как термины в «Федоне», содержательную природу.

Наконец, последний вопрос. Допустим, что мы согласились с тезисом о наличии генетической связи между «Федоном» и «Второй аналитикой». Но поможет ли это каким-то образом нашему пониманию этих текстов? И если да, то каким и какого именно — платоновского или аристотелевского?

Я не думаю, что, связав второй метод гипотез с аристотелевским учением о доказательстве, мы сможем существенно лучше понять текст «Федона». Во-первых, поскольку на отрезке 95e–107b он, по-моему, — при всех возможных оговорках — и так относительно ясен. Во-вторых, поскольку, если верно, что вектор влияния здесь направлен от «Федона» ко «Второй аналитике», заключать от устройства учения последней к устройству рассуждения первого было бы опрометчиво: Аристотель мог обнаружить в тексте Платона куда больше, чем туда вкладывал сам Платон.

С другой стороны, для понимания «Второй аналитики» отмеченная в этой статье связь может, мне кажется, нам кое-что дать. Текст «Второй аналитики» одновременно ужасающе запутан и достаточно скуп на примеры. Если мы можем дополнить его рядом примеров рассуждений, формализация которых предположительно была задачей Аристотеля, т.е. с расчетом на объяснение которых он пытался сконструировать свою теорию доказательства, — это даст нам весьма немало для понимания его общего замысла, т.е. ровно того, что чаще всего ускользает от нас при попытке интерпретации «Второй аналитики».

Литература

- Орлов, Е.В. (2013), *Аристотель о началах человеческого разума*. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения Российской академии наук.
- Юнусов, А.Т. (2017), “Определения в доказательствах «Второй аналитики»: большие или меньшие термины?”, *Вопросы философии* 8: 166–179.
- Юнусов, А.Т. (2018), “Гипотезы как предикативные начала доказательства знания во «Второй аналитике» Аристотеля”, *Историко-философский альманах* 6: 81–97.
- Barnes, J. (1981), “Proof and the Syllogism”, in E. Berti (ed.), *Aristotle on Science, the “Posterior Analytics”*: Proceedings of the Eighth Symposium Aristotelicum, 17–60. Padova: Editrice Antenore.
- Bronstein, D. (2016), *Aristotle on Knowledge and Learning: The Posterior Analytics*. Oxford University Press.
- Crubellier, M.; Pellegrin, P. (2002), *Aristote: Le philosophe et les savoirs*. Paris: Seuil.
- Ferejohn, M.T. (1991), *The origins of Aristotelian science*. Yale University Press.
- Heath, T.L. (1921), *A History of Greek Mathematics*. Oxford: Clarendon Press.
- Iunusov, A.T. (2017), “Definitions of *Posterior Analytics*’ Demonstrations: Major or Minor Terms?”, *Voprosy filosofii* 8: 166–179. (In Russian.)
- Iunusov, A.T. (2018), “Hypotheses as Predicative Principles of Demonstrative Knowledge in Aristotle’s *Posterior Analytics*”, *Istoriko-filosofskiy al'manakh* 6: 81–97. (In Russian.)
- McKirahan, R.D. (1992), *Principles and Proofs: Aristotle’s Theory of Demonstrative Science*. Princeton University Press.
- Orlov, E.V. (2013), *Aristotle on Principles of Human Understanding*. Novosibirsk: Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN. (In Russian.)
- Ross, W.D., ed. (1949), *Aristotle’s Prior and Posterior Analytics: a Revised Text with Introduction and Commentary*. Oxford: Clarendon Press.
- Ross, W.D. (1951), *Plato’s Theory of Ideas*. Oxford: Clarendon Press.
- Shorey, P. (1924), “The Origin of the Syllogism”, *Classical Philology* 19.1: 1–19.
- Solmsen, F. (1929), *Die Entwicklung der aristotelischen Logik und Rhetorik*. Berlin: Weidmann.